

ЭМАНСИПАЦИЯ ПРОТИВ КОММУНИЗМА: ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ЛЕВЫХ В ЭПОХУ ЭКСПРЕССИВНОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА¹

Аннотация. В статье проблематизируется двойственность идеи коммунизма. С одной стороны, коммунизм имплицитно или эксплицитно подразумевал движение к единству и братству. С другой стороны, социалистические/коммунистические проекты всегда были проектами прежде всего борьбы за свободу и равенство – борьбы с силами отчуждения, эксплуатации и угнетения. Если в первом случае обычно подчеркивается, что только ориентация на коллектив и общественное благо может воспитать истинно общественную личность, свободную от эгоизма и конкурентной борьбы, то во втором случае общество (социальная система, структура и т.д.) рассматривается как источник эксплуатации и угнетения. Показано, что долгое время эта двойственность нивелировалась универсализмом классовой борьбы: борясь за свободу от эксплуатации, пролетарии тем самым выполняли общечеловеческую миссию, то есть они должны были перестать быть пролетариями и стать частью глобального Человечества. Однако сегодня, по мере роста постматериалистических ценностей, левая политическая борьба все чаще фокусируется на перерождающихся в неразрешимые культурные войны политиках идентичности, представляя общество фактически вечным вместилищем сил угнетения, культурного присвоения, микроагрессии и тому подобного. В итоге автор выдвигает тезис о необходимости радикального переосмысления идеи коммунизма. Движение к воплощению коммунистических идеалов не обязательно рассматривать как нечто связанное прежде всего с эмансипацией. Коммунизм может иметь собственную сильную культурную программу, нацеленную на единство культурного пространства. Он может быть нацелен прежде всего на общественное благо и диалог. В таком случае коммунизм противостоит прежде всего силам индивидуализма (экспрессивного индивидуализма) и нарциссизма, которыми современная культура все больше и больше пропитывается.

Ключевые слова: коммунизм, социализм, капитализм, марксизм, эмансипация, отчуждение, политика идентичности, микроагрессия, общественное единство.

Введение

Сегодня начинает все чаще проявлять себя некоторая двойственность идеи коммунизма, которую разделяют многочисленные левые политические

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 23-18-00427 «Социальная консолидация российского общества: механизмы ценностно-институционального обеспечения».

силы. Коммунизм всегда ассоциировался с общественным строем, в рамках которого будут преодолены классовые антагонизмы, люди будут жить в рамках подлинного *братства*, поскольку наступит настоящее *социальное равенство*. Коммунизм знаменовал собой победу сил единения над силами отчуждения, единства над разобщенностью, общих стремлений, общих усилий, общей мечты, общего жизненного мира, общего пространства для творчества и любви над конкурентной борьбой эгоистов и эгоцентриков. Общественное благополучие виделось как то, что должно стать своего рода точкой отсчета для всего остального, основой благополучия в том числе индивидуального. Если будет общественный прогресс во имя равенства и братства, то будет и реализация индивидуальных устремлений. Если будет настоящее единство, если люди будут объединены общими смыслами, единой эмоциональной чувствительностью, единым культурным пространством, то не нужно будет опасаться за свою жизнь, сторониться других людей, так как не будет больше «чужаков». Более того, общественное благополучие, достигаемое, в частности, путем самой борьбы за коммунизм, было чем-то, ради чего отдельные трудящиеся *жертвовали* или *должны были жертвовать собой*. «Диктатура пролетариата, – пишет В.И. Ленин, – необходима, и победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной, отчаянной, войны не на живот, а на смерть, – войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, непрклонности и единства воли»².

С другой стороны, сторонники идеи коммунизма – прежде всего марксисты – всегда с критическим настроением или с подозрением смотрели на общество как определяемое системой производственных отношений. Оно рассматривалось и продолжает рассматриваться как источник *эксплуатации и угнетения*. Более того, оно рассматривалось как источник эксплуатации и угнетения *отдельных индивидов*, стремящихся к снятию или преодолению социального отчуждения, к возвращению к своей «истинной сущности», неотчужденному «Я». Коммунистическое общество является обществом настоящей *свободы*, которая достигается только после избавления от всех сил, рассматриваемых как *навязанные обществом и чуждые*. В «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» К. Маркс пишет, что в коммунистическом обществе «упразднение частной собственности означает полную *эмансипацию* всех человеческих чувств и свойств; но оно является этой эмансипацией потому, что чувства и свойства эти стали *человеческими* как в субъективном, так и в объективном смысле»³. Как далее отмечает Маркс, при коммунизме «все предметы становятся для него (индивидуума – Д.Д.) *опредмечиванием* самого себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности, *его* предметами, а это значит, что предмет становится им самим»⁴.

² Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. URL: <https://www.marxists.org/russkij/lenin/1920/leftwing/03.htm> (дата обращения: 29.07.2020).

³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/manuscr/7.htm> (дата обращения: 29.07.2020).

⁴ Там же.

Долгое время такая «двойственность» идеи коммунизма либо игнорировалась, либо так или иначе обходилась. Нет противоречия в том, чтобы капиталистическое общество ассоциировать с силами отчуждения, а общественное единство – с коммунизмом. Стремление к эмансипации⁵ не противоречит стремлению к общественному единству, так как капиталистическое общество не едино, а основано на эксплуатации и классовой вражде. Настоящее общественное единство будет достигнуто уже *после* окончательного освобождения.

Однако такая картина слишком проста, чтобы соответствовать сложной действительности. Если бы все было так просто, то современный марксизм не был бы расколот на множество враждующих фракций, среди которых можно найти как «грубых коммунистов», считающих, что путь к коммунизму лежит через коллективизм и «диктатуру пролетариата», так и «гуманистов», акцентирующих внимание на раннем Марксе, для которых отдельные борющиеся с отчуждением индивиды, их творчество и свобода являются важнейшими ценностями⁶. В конце концов, и крах советского строя можно рассматривать как обусловленный кризисом советской идеологии, когда был нарушен баланс между ее гуманистическими и эгалитарно-общественными компонентами: советские «личности» быстро стали агентами неолиберального капитализма, а то и вовсе участниками многочисленных банд и мафиозных группировок, скрепленных этикой добродетели⁷.

В настоящей статье мы попытаемся показать, что сегодня указанная «двойственность» проявляет себя максимально ярко. Эмансипационные процессы, происходящие в том числе под влиянием марксизма, зашли в развитых западных странах настолько далеко, что между ними и идеей коммунизма как движения к *братству и единству* всех людей образовалась огромная брешь. Стремление к индивидуальным свободам, рационализируемое как освобождение от угнетения и эксплуатации, все чаще трансформируется в борьбу за привилегии и превосходство над предполагаемыми «угнетателями». Оно подпитывается *эгоистическим самоутверждением*, желанием *привлечь внимание*, продемонстрировав статус «жертвы». Различные политики идентичности способствуют фрагментации культурного пространства и углубляют «вражду всех против всех». В обществе стали видеть не просто угрозу классовой эксплуатации, но и *угнетения*, которое все чаще представляется как всеобъемлющее, обусловленное неуловимыми культурными процессами и даже *подсознательным*. Уже не извлечение прибавочной стоимости как главная, сущностная черта капиталистического способа производства является источником «общественных бед», а сама культурная ткань, вплетенная в

⁵ Слово «эмансипация» имеет, условно говоря, двойное дно. Оно имеет сильные коннотации с феминизмом и другими движениями за гражданские права. Здесь мы употребляем его в более широком значении – как синоним «освобождения».

⁶ См.: Кондрашов П.Н. Девять мифов о философии Карла Маркса. М.: Ленанд, 2023; Мареев С.Н. Возвращение человеку человеческой сущности. К. Маркс о коммунизме // Свободная мысль. 2019. № 3 (1675). С. 193-202.

⁷ См.: Фишман Л.Г. Эпоха добродетелей. После советской морали. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

повседневность. Соответственно, культурные войны, ведомые *синтезом марксизма и интерсекциональности*⁸, становятся крайне «токсичными», раскалывающими общество на группы, существующие в совершенно разных символических универсумах, неспособные к диалогу и консенсусу.

Ответ на эти тенденции, как мы покажем далее, не обязательно должен сводиться к критике Модерна путем обращения к традиционным ценностям. Коммунизм как главную альтернативу капитализму необходимо переосмыслить, так как не всякая борьба против капитализма и угнетения означает движение к равенству и братству. Реинкарнация идеи коммунизма может быть осуществлена как кардинальный пересмотр недавних эмансипационных тенденций на Западе, как возврат к обществу и общественному, как «культурная перезагрузка» ключевых теоретических и идеологических оснований борьбы за равенство и братство, за общий жизненный мир.

Торжество экспрессивного индивидуализма

Наш ключевой тезис заключается в следующем: главная угроза для перспективы коммунизма сегодня – уже не столько капитализм, сколько силы, ассоциируемые с антикапиталистической борьбой. Но этот антикапитализм все чаще нацелен не на достижение общественной гармонии, единства и братства, а на максимизацию *индивидуальных свобод*. Иными словами, речь должна идти о продолжающемся процессе индивидуализации, начавшейся еще во времена Ж.-Ж. Руссо, который поставил в центр рассмотрения внутренний мир личности (она рождается свободной, но повсюду находится в цепях). С тех пор борьба за свободу осуществлялась по разным причинам и под разными предлогами. В эпоху буржуазных революций боролись за формальные, юридические свободы и равенство. Антибуржуазная классовая борьба велась уже за обретение материальной независимости и тех или иных социальных гарантий. Но, чем богаче в материальном плане общество становилось, тем «антибуржуазность» все чаще связывалась не столько с противодействием классовой эксплуатации, сколько набору социальных норм и культурных ценностей, которые, как утверждает сегодня теоретиками *интерсекциональности*⁹, укрепляют капитализм, но путем расового, гендерного, сексуального и пр. угнетения. Соответственно, такой переход «от класса к дискурсу»¹⁰ происходил по мере ослабления классовой эксплуатации: она все еще имеет место, но, так как общий уровень благосостояния со временем вырос, для очень многих людей стали гораздо более актуальными

⁸ Bohrer A.J. *Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism*. Bielefeld: Transcript Publishing, 2019.

⁹ Интерсекциональность, или теория пересечений – это исследование пересечения различных форм или систем угнетения, доминирования или дискриминации. См.: Collins P.H. *Intersectionality as Critical Social Theory*. Durham: Duke University Press Books, 2019.

¹⁰ Кагарлицкий Б.Ю. *Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. (Борис Кагарлицкий включен Минюстом в список физлиц, выполняющих функции иностранного агента).

т.н. *постматериалистические*¹¹ проблемы – борьба за гражданские права, за экологическое благополучие и т.п. Все это также можно осмыслить как *прогрессирующий индивидуализм*: автономная и независимая личность Модерна стремится сбросить вообще все общественные «оковы», стоящие на пути у ее желаний. В этом смысле буржуазный культ богатства и материального благополучия постепенно деактуализируется, так как мы уже живем, по выражению немецкого философа Б.-Ч. Хана в *эпоху достижений*¹² – эпоху агрессивной конкурентной борьбы за личностную самореализацию. Согласно немецкому социологу А. Реквицу, поздний модерн – это *общество сингулярностей*, то есть *единичностей*, поскольку экономической полезностью обладают все чаще лишь те предметы и события, которые имеют свою «индивидуальность» – неповторимый опыт, неповторимые места, неповторимые впечатления и т.д.¹³ В данном контексте личность человека сама становится благом, производимым путем самобрендинга¹⁴. В социальных сетях наблюдается нарциссическая борьба за просмотры и лайки. В целом, сегодня исследователи все чаще говорят о том, что мы живем в эпоху всеобъемлющего *нарциссизма*¹⁵.

Иными словами, стоит отталкиваться именно от процесса, условно говоря, «абсолютизированного» Модерна. Автономная личность, которая была изобретена в эпоху Руссо, решает избавиться от всего, что ограничивает ее «внутренние» устремления и желания, ее тягу к бесконечной самореализации. Но происходит это путем *радикализации нигилизма*, путем отрицания *общественного*, постоянной борьбы с традициями и нормами, которые представляются источниками «угнетения», т.к. не позволяют реализоваться всем фантазиям «автономных личностей» о себе и своем месте в мире. При доминировании «прикладного постмодернизма»¹⁶ это означает даже отрицание объективной реальности и научного знания, если, скажем, нужно продвинуть идею о необходимости (и справедливости) допуска имеющих очевидные физиологические преимущества трансгендерных женщин к женским спортивным соревнованиям¹⁷.

Примечательно, что современный западный марксизм мало что может противопоставить данным тенденциям. Более того, есть основания считать,

¹¹ См., например: Инглхарт Р.: Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

¹² Хан Б.-Ч. Общество усталости. М.: АСТ, 2023.

¹³ Reckwitz A. The End of Illusions: Politics, Economy, and Culture in Late Modernity. Cambridge: Polity, 2021.

¹⁴ Marwick A.E. Status Update: Celebrity, Publicity, and Branding in the Social Media Age. New Haven, CT: Yale University Press, 2013.

¹⁵ При этом речь идет не столько о нарциссическом расстройстве личности как психиатрическом диагнозе, сколько о культурном нарциссизме, который впервые концептуализировал в 1979 г. К. Лэш в книге «Культура нарциссизма» (Lasch C. The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations. New York: Norton, 1979). См. также: Герц Н. Парадокс одиночества. М.: Бомбора, 2023; Хан Б.-Ч. Агония эроса. М.: АСТ, 2023; Саден Э. Тирания Я. М.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023.

¹⁶ Плакроуз Х., Линдси Дж. Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого. М.: Individuum, 2022.

¹⁷ Soh D. The End of Gender: Debunking the Myths about Sex and Identity in Our Society. New York: Threshold Editions, 2020; Blade L., Kay B. Unsporting: How Trans Activism and Science Denial are Destroying Sport. Toronto: Rebel News Network Ltd., 2021.

что фрагментирующая культурное пространство политика идентичности и рост индивидуализма были отчасти обусловлены и санкционированы марксизмом (точнее – уже относительно поздними формами – различными вариациями нео- и постмарксизма, хотя отметим, что имела место более общая либерально-прогрессистская тенденция). В конце концов, философия Маркса – это тоже проект Модерна¹⁸. Несмотря на мысли о классах, общественных формациях и структурах, в ядре философии Маркса все равно находятся конкретные личности (как «точка отсчета»), борющиеся с отчуждением. Как писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», «исходной точкой для индивидов всегда служили они сами, – взятые, конечно, в рамках данных исторических условий и отношений, – а не в качестве “чистого индивида” в понимании идеологов»¹⁹; в коммунистическом обществе «пролетарии, чтобы отстоять себя как личности, должны уничтожить имеющее место до настоящего времени условие собственного существования, которое является в то же время и условиям существования всего предшествующего общества, т.е. должны уничтожить труд»²⁰. *Главная опасность здесь в том, что борьба с отчуждением может мутировать в борьбу с любыми общественными нормами, если они являются препятствием для желаний и потребностей «автономных личностей» Модерна.*

В этом смысле эвристически значим концепт *экспрессивного индивидуализма*, автором которого является канадский философ Ч. Тейлор²¹. Данный концепт активно развивает применительно к актуальной повестке английский христианский теолог и историк К. Р. Трумэн. В своей получившей широкую известность книге «Расцвет и триумф современного Я: культурная амнезия, экспрессивный индивидуализм и путь к сексуальной революции» Трумэн отмечает, что современное западное общество живет в эпоху продолжительной *революции самости* (revolution of the self). Согласно Трумэну, с эпохой Руссо и романтизма возникло новое понимание человеческой самости, ориентированное на внутреннюю жизнь личности. «Это мышление находит свое важное критическое следствие в представлении общества/культуры как чего-то репрессивного. В частности, у Перси Шелли и Уильяма Блейка этот аспект культуры отождествляется прежде всего с христианскими сексуальными кодексами и, в частности, с нормативным статусом пожизненного моногамного брака»²². Если общество/культура являются репрессивными, а трансцендентных источников моральных норм больше не существует, то больше нет или не должно быть объективных преград для расширения индивидуальных свобод. Всякая мораль так или иначе сводится к индивидуальной нравственности, не имеющей под собой никаких твердых оснований, то есть она всегда пересматривается в сторону

¹⁸ Хотя и, условно говоря, «саморефлексирующего» Модерна.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/1845/german_ideology/02.htm (дата обращения: 30.07.2024).

²⁰ Там же.

²¹ Taylor C. A Secular Age. Cambridge: Harvard University Press, 2007.

²² Trueman C. R. The Rise and Triumph of the Modern Self: Cultural Amnesia, Expressive Individualism, and the Road to Sexual Revolution. Wheaton, IL: Crossway, 2020. P. 30.

больших свобод: от строгой викторианской морали к сексуальной революции, правам ЛГБТК+²³ сообществ, гендерной идеологии (с ее 70 и более вариантами гендера) и, по всей видимости, к постепенному принятию педофилии²⁴. Личность становится высшей ценностью – как бы «священной», так как «Бог умер», а общественная мораль дискредитирована практиками «угнетения» (расизмом, сексизмом и пр.). Следовательно, если маленькая девочка говорит, что она «родилась не в том теле» и является мальчиком, то это все чаще признается истиной в конечной инстанции (в США моментально признают ее гендерную самоидентификацию, а также могут прописать блокаторы полового созревания в обход желания родителей²⁵). Согласно Трумэну, «поэтический мир – это мир, в котором трансцендентная цель коллапсирует в имманентную и в котором данная цель сжимается до любой цели, которую я решаю создать или решить для себя»²⁶.

Марксизм имеет, по Трумэну, прямое отношение к революции самости и экспрессивному индивидуализму. Во-первых, марксизм внес непосредственный вклад в разрушение традиционных моральных ценностей, закрепив тезис об историчности любых общественных норм. Во-вторых, марксизм привнес картину мира, согласно которой общество – это арена классово-борьбы. Отсюда можно было сделать только один шаг до утверждения о том, что общество и культура пронизаны силами отчуждения и доминирования (в т.ч. дискурсивного – что сделал М. Фуко), а потому борьба за свободу может оказаться фактически вечной, с чем согласились бы постмарксисты Э. Лакло и Ш. Муфф²⁷. Новые левые в 1960-х гг. продвинулись именно в этом направлении. Как пишет Трумэн, «следовать Руссо – значит сделать идентичность психологической. Следовать Фрейдю – значит сделать психологию и, следовательно, идентичность сексуальной. Соединить эту комбинацию с Марксом – значит сделать идентичность – и, следовательно, секс – политическими»²⁸. Соответственно, была уничтожена дистанция между интимным и публичным, общественным. Политика стала полем сражения за максимальную свободу и «раскрепощение», причем «опубличивалась» именно сфера интимного. «Эротика и порнография, – пишет Трумэн, – восторжествовали в нашей культуре до такой степени, что именно пропаганда традиционных сексуальных нравов стала рассматриваться в лучшем случае как нелепая, в худшем – как совершенно аморальная и репрессивная»²⁹.

²³ Росфинмониторинг включил движение ЛГБТ в реестр экстремистских и террористических организаций.

²⁴ Добрынин В. Парад извращенцев: в Европе проявляют снисхождение к насильникам и педофилам // Известия. 22 апреля 2022. URL: <https://iz.ru/1501143/vladimir-dobrynin/parad-izvrashchentcev-v-evrope-proiavliaiut-sniskhozhdenie-k-nasilnikam-i-pedofilam> (дата обращения: 30.07.2024).

²⁵ Grossman M. Lost in Trans Nation: A Child Psychiatrist's Guide Out of the Madness. New York: Skyhorse Publishing, 2023.

²⁶ Trueman C. R. The Rise and Triumph of the Modern Self: Cultural Amnesia, Expressive Individualism, and the Road to Sexual Revolution. Wheaton, IL: Crossway, 2020. P. 40.

²⁷ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic. London: Verso, 1985.

²⁸ Trueman C. R. The Rise and Triumph of the Modern Self: Cultural Amnesia, Expressive Individualism, and the Road to Sexual Revolution. Wheaton, IL: Crossway, 2020. P. 207.

²⁹ Ibidem. P. 242.

К.Р. Трумэн не единственный автор, который возлагает ответственность за торжество индивидуализма и противоречия политики идентичности в том числе на марксизм. Консервативный журналист и сотрудник Манхэттенского института политических исследований К. Руфо в книге «Американская культурная революция» пишет, что сегодня в США последователи «новых левых» завершили долгий путь через институты и внедрились свои идеи в школьные программы, популярные средства массовой информации, государственную политику и корпоративные программы управления персоналом. Леволиберальная «повестка» о правах ЛГБТК+, феминизме, антирасизме и антиколониализме стала повсеместной в культурном пространстве западных стран. По его мнению, интеллектуальное движение, начавшееся в 1968 году, смогло инициировать процесс распада старых ценностей, но не смогло построить новый набор ценностей, который заменил бы их. Вместо этого призыв «новых левых» отказаться от «привилегий белых» вызвал поток нарциссизма у «жертв» и вины/самоуничтожения у «угнетателей» (белых, мужчин, гетеросексуальных, придерживающихся семейных ценностей и т.д.). Руфо прослеживает, как, начиная с Г. Маркузе, марксизм отказывался от классовой борьбы и ориентации на универсальные цели и ценности и все чаще акцентировал внимание на культурной вине и «угнетении». В итоге и сам марксизм перестал быть идеологией рабочего класса, став *идеологией университетских элит*. Затем последовал «долгий марш через институты». Исповедующие постматериалистические ценности элиты, состоящие преимущественно из образованных жителей больших городов, стали главными носителями новой идеологии повсеместной эмансипации. Как пишет Руфо, «сегодня долгий марш Г. Маркузе и Р. Дучке по университетам подошел к завершению. Американский университет теперь является “контринститутом”, движимым идеологией “новых левых” и критическими теориями»³⁰. Университеты – не исключение. Новый идеологический режим распространился везде, где представители новых образованных элит составляют основную массу³¹. Идеология инклюзивности, толерантности, расового, гендерного и пр. разнообразия стала индикатором статуса. Для выпускников престижных университетов, которые затем попадают в корпоративный мир, критические теории служат показателем утонченного, прогрессивного мировоззрения и эстетической связи с

³⁰ К. Руфо: «эмпирические данные огромны. 24% преподавателей колледжей социальных наук идентифицируют себя как “радикалы”, 21% как “активисты” и 18% как “марксисты”; в гуманитарных науках эти цифры составляют 19%, 26% и 5% соответственно» (Rufo C.F. *America's Cultural Revolution: How the Radical Left Conquered Everything*. New York: Broadside Books, 2023. P. 44).

³¹ К. Руфо: «политическая культура федеральных агентств почти неотличима от университетской. Если использовать политические пожертвования в качестве индикатора политических умонастроений, то обнаруживается, что федеральные ведомства в подавляющем большинстве являются левыми. В цикле президентских выборов 2020 года сотрудники Министерства юстиции направили 83% всех пожертвований демократам. В Департаменте жилищного строительства и городского развития этот показатель составил 84%. В Министерстве здравоохранения и социальных служб — 88%; а в Министерстве образования – целых 93%» (Rufo C.F. *America's Cultural Revolution: How the Radical Left Conquered Everything*. New York: Broadside Books, 2023. P. 57).

контркультурой 1960-х годов, которая до сих пор воспринимается как высокостатусная.

Отказываясь от прежнего универсализма, левые на Западе все чаще апеллируют к *групповой логике*, предоставляя льготы при поступлении в университеты для тех или иных «меньшинств» или обеспечивая «безопасные пространства» для «угнетаемых» (своего рода возврат к сегрегации). При этом ради защиты «угнетаемых» принимаются все более экстремальные меры. Для современных западных левых неприемлем даже небольшой дискомфорт, обусловленный предполагаемыми «угнетателями». «Даже математика, – пишет Руфо, – и естествознание были захвачены. Согласно программе математического этнического обучения, учащиеся должны научиться отвергать “западную” математику, которая использовалась для “угнетения и маргинализации цветных людей и цветных сообществ”, и принять высшую теорию “этноматематики” <...>. Раскручивается постколониальный миф о том, что математическая теория “уходит корнями в древние истории людей и империй цветных”, чьи достижения затем были украдены, извращены и скрыты белыми европейцами»³².

Культура виктимности и «война всех против всех»

Социологи Б. Кэмпбелл и Дж. Мэннинг в книге «Расцвет культуры виктимности: микроагрессия, безопасные пространства и новые культурные войны» задаются вопросом, анализируя результаты президентских выборов в США в 2016 г.: почему Дональда Трампа левые активисты и интеллектуалы так сильно демонизировали, если он фактически ничего не имел против, скажем, геев или иммигрантов как таковых (но только против нерегулируемой и неконтролируемой, нелегальной иммиграции). Как пишут Кэмпбелл и Мэннинг, очень странным было представление о том, что Трамп проводил кампанию против меньшинств. «На мероприятии в Колорадо Трамп ходил по сцене с радужным флагом, символом гордости лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров (ЛГБТ). Он раскритиковал закон Северной Каролины, запрещающий школам и общественным учреждениям позволять трансгендерам пользоваться туалетом того пола, с которым они себя идентифицируют»³³. В качестве ответа Кэмпбелл и Мэннинг видят глубокие культурные трансформации, происходящие в настоящий момент. Они связаны с возросшей *чувствительностью*, как бы *изнеженностью* людей, которые все чаще позиционируют себя как «жертвы» тех или иных «угнетателей».

По мнению Кэмпбелла и Мэннинга, *культуре виктимности* предшествовали еще две культурные эпохи. Во-первых, это *культура чести*. Культуры чести, как правило, возникают в местах, где правовая власть слаба или отсутствует и где жестоко защищаемая репутация является единственным

³² Rufo C.F. *America's Cultural Revolution: How the Radical Left Conquered Everything*. New York: Broadside Books, 2023. P.145.

³³ Campbell B., Manning J. *The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars*. New York: Palgrave Macmillan, 2018. P. XV.

эффективным сдерживающим фактором против угроз со стороны других. Такая культура характеризовалась нетерпимостью к обидам и оскорблениям, выразившейся в актах прямой агрессии – кровная месть, дуэли и т.д. Во-вторых, это *культура достоинства*. Достоинство существует независимо от того, что думают другие, поэтому культура достоинства — это культура, в которой общественная репутация менее важна. Люди культуры достоинства менее обидчивы, и даже похвально иметь толстую кожу, позволяющую не обращать внимания на пренебрежение и оскорбления.

Данные культуры были обусловлены широким социальным контекстом. Так, культура достоинства могла расцвести лишь тогда, когда государство монополизировало правоохранительную функцию. Согласно Кэмпбеллу и Мэннингу, культура виктимности начала проявлять себя в послевоенные годы – в 50-60-е гг. XX в. Она стала «синтезом» двух предшествующих культур. От культуры чести она взяла особую чувствительность к обидам, а от культуры достоинства – опору на институциональные механизмы разрешения социальных конфликтов.

Однако в ней есть множество новых элементов. Человек эпохи чести был *сильным*, готовым пожертвовать собой ради спасения своей репутации. Он, на наш взгляд, был *не до конца автономной личностью*, поскольку не мыслил своего существования без хорошей *общественной репутации*. В культуре виктимности все переворачивается, теперь быть жертвой – выгодная позиция. Индивид ничто не теряет, если является жертвой. Более того, жалобы могут обеспечить ему ряд *преимуществ*. Как пишут Кэмпбелл и Мэннинг, «всегда озабоченные тем, чтобы казаться храбрыми и сильными, люди культуры чести часто играли в азартные игры, много пили и открыто хвастались своими подвигами. С другой стороны, в культурах достоинства социализация обычно направлена на обучение сдержанности, люди смотрят свысока на безрассудное поведение и ненавидят хвастовство в большинстве контекстов. Формирующаяся культура виктимности, по-видимому, разделяет презрительное отношение культуры достоинства к риску, но она оправдывает *привлечение внимания к себе* (курсив мой – Д.Д.), то есть человек привлекает внимание к собственным трудностям — к слабостям, а не к сильным сторонам...»³⁴.

Заметим, что для Кэмпбелла и Мэннинга виктимность – потенциально бесконечный источник тех или иных злоупотреблений. Дискурсы виктимности постоянно окутывают противоречия, сталкивающие людей из разных социальных групп друг с другом. В итоге политические дискурсы выливаются в культурные войны, общий жизненный мир разрушается, торжествует недоверие, логика теорий заговора, а значение слов «насилие», «расизм», «сексизм», «гомофобия» и т.д. раздуваются до такой широты, что фактически любое действие становится возможным расценить как содержащее угнетение или т.н. *микроагрессию*. Еще одно противоречие заключается в том, что «поддержка достается тем, кто, как говорят, лишен

³⁴ Ibidem. P. 20.

привилегий, но способность привлекать поддержку сама по себе является своего рода привилегией»³⁵. В данном контексте нет смысла отдельно разбирать известную критику современных западных левых «повесток»: когда борьба за толерантность и инклюзивность превращается в «культуру отмены»³⁶, антирасизм становится расизмом, утверждающим, что все белые по определению расисты³⁷, а воукизм (wokeism) как идеология «пробужденных» оказывается способом принудительного насаждения дискурсов политики идентичности всему обществу (попытки «отменить» европейскую культуру, представляя ее как «культуру угнетателей», навязывание ЛГБТК+ повестки в фильмах и сериалах, шоу трансвеститов в школах, разрешение менять пол детям без ведома родителей, принудительное продвижение женщин и «меньшинств» на лидирующие роли и должности, сопровождающееся принижением мужчин, гетеросексуальности, семейных ценностей и т.д.)³⁸.

Кэмпбэлл и Мэннинг отмечают еще несколько аномалий. Например, концепция микроагрессии впервые распространилась «не среди хронически бедных, таких как безработные шахтеры Восточного Кентукки или обедневшие афроамериканцы Балтимора или Нового Орлеана. Сначала она распространилась среди студентов колледжей и университетов, относительно обеспеченного, образованного и респектабельного населения. И концепция микроагрессии, похоже, быстрее всего развивалась в элитных учреждениях, таких как частные гуманитарные колледжи и университеты Лиги плюща. Студент из группы меньшинств в Оберлинском колледже или Гарвардском университете действительно может иметь более низкий статус, чем среднестатистический студент Оберлина или Гарварда, но по сравнению с населением США в целом или даже со студентами других колледжей и университетов студенты элитных учебных заведений не являются особенно «низшими»³⁹. Затем Кэмпбэлл и Мэннинг обращают внимание на то, что дискурсы, нацеленные на эмансипацию, становятся все более навязчивыми при том обстоятельстве, что общество уже гораздо более открыто, нежели прежде: «по мере того как женщины массово выходили на рынок труда, становились все более образованными, проникали в высокооплачиваемые профессии, такие как юриспруденция и медицина, и становились все более заметными в местной, государственной и национальной политике, сексизм оказывался все более девиантным. Аналогичным образом успех движения за гражданские права в США в ликвидации южной расовой кастовой системы и возросшее представительство афроамериканцев в профессиональной и общественной жизни были связаны с превращением расизма в крайне

³⁵ Ibidem. P. 24.

³⁶ См., например: Dershowitz A. Cancel Culture: The Latest Attack on Free Speech and Due Process. New York: Hot Books, 2020.

³⁷ См., например: DiAngelo R. White Fragility: Why It's So Hard for White People to Talk About Racism. Boston: Beacon Press, 2018.

³⁸ Mounk Y. The Identity Trap: A Story of Ideas and Power in Our Time. New York: Penguin Press, 2023.

³⁹ Campbell B., Manning J. The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars. New York: Palgrave Macmillan, 2018. P. 53.

стигматизированное поведение. Табу стало настолько сильным, что расистские заявления, даже в частной жизни, могли поставить под угрозу карьеру»⁴⁰.

Таким образом, мы видим, что все чаще борьба за эмансипацию фактически является борьбой за *привлечение внимания и привилегии*. В этом смысле культура виктимности является частью общей тенденции к предельной индивидуализации, к *углублению нарциссизма в культуре*. Как отметил в книге «Век жалоб» известный журналист Ф. Бруни, «игра с обвинениями была самым популярным видом спорта в Америке, а роль жертвы – самой модной одеждой»⁴¹. Предупреждения о триггерах⁴² нередко отличаются низкой терпимостью к пренебрежению. Это обуславливает резко негативную реакцию на предполагаемых «обидчиков», даже если речь не идет о правонарушениях. То есть практически все может стать источником микроагрессии. Публичное пространство раскалывается, устойчивые и универсальные нормы отрицаются, общий социальный фундамент рушится. Кэмпбэлл и Мэннинг отмечают много подобного рода вещей: «предположение или намек на то, что гетеросексуальность нормальна – например, утверждение, что подросток скоро проявит романтический интерес к девочкам, – является проявлением гетеронормативности. <...> Аналогичное предположение о гендере – если подросток мужского пола вообще считает себя мальчиком – является циснормативностью, а также, возможно, актом мисгендеризации, который свидетельствует о циссексизме, трансфобии и, если преступник – мужчина, токсичной маскулинности. <...> Одним из примеров также является концепция насилия. Когда-то ограниченная физическим и сексуальным насилием, с тех пор она расширилась, включив в себя эмоциональное насилие и пренебрежение. <...> Даже термины для конкретных и экстремальных видов насилия растягиваются максимальным образом: когда одна канадская художница выставила картины, вдохновленные стилем коренных американцев, активисты обвинили ее не просто в культурной апроприации, но и в “культурном геноциде”. Расизм – это еще один вид вреда с гораздо более широким значением. Термин когда-то означал открытую нетерпимость – неприязнь и враждебность по признаку расы, — но теперь охватывает скрытые предубеждения, настолько тонкие, что предполагаемый расист может даже не осознавать их»⁴³.

Но даже более значимо то, что *разрушается пространство для диалога. Большие нет никакой «культурной универсальности», которая могла бы объединять всех людей в единое Человечество*. Напротив, наблюдается агрессивная борьба за те или иные участки культуры. Эти участки столь же агрессивно охраняются путем обвинения в «культурном присвоении» (речь также идет о т.н. *эпистемологии точки зрения* (standpoint epistemology) –

⁴⁰ Ibidem. P. 60.

⁴¹ Bruni F. The Age of Grievance. New York: Simon & Schuster, 2024. P. 15.

⁴² Под предупреждением о триггере (англ. trigger warning, TW) подразумевается сообщение, предупреждающее о стрессогенном контенте.

⁴³ Campbell B., Manning J. The Rise of Victimhood Culture: Microaggressions, Safe Spaces, and the New Culture Wars. New York: Palgrave Macmillan, 2018. P. 88-90.

концепции, согласно которой только «угнетенные» могут понимать опыт угнетения). Согласно немецко-американскому политологу Ю.Б. Мунку, сторонники политики идентичности отвергают универсальные ценности и нейтральные правила, такие как свобода слова и равные возможности, как отвлекающие факторы, направленные на то, чтобы увековечить маргинализацию групп меньшинств. Попытки добиться прогресса на пути к более справедливому обществу, удвоив усилия по достижению данных идеалов, утверждают его сторонники, являются глупой затеей. Они настаивают на том, чтобы сделать формы групповой идентичности гораздо более важными как для нашего понимания мира, так и для нашего понимания того, как действовать в нем. Как пишет Мунк, «некоторые сторонники синтеза идентичности даже пришли к выводу, что важная роль, которую субъективный опыт играет в формировании понимания социального мира, подразумевает, что члены разных групп никогда не смогут полностью понять друг друга. Как утверждает Патрисия Хилл Коллинз, выдающийся профессор Университета Мэриленда, “различия во власти ограничивают нашу способность общаться друг с другом, даже когда мы думаем, что участвуем в диалоге, несмотря на различия”. В этой популяризированной форме эпистемология точки зрения выходит далеко за рамки призыва обеспечить участие людей разного происхождения в научных исследованиях или принятии политических решений; он предусматривает, что существуют некоторые важные идеи, о которых члены одной группы никогда не смогут сообщить посторонним»⁴⁴.

Большое «Я» vs. маленькое я

Известный американский писатель Д. Брукс в книге «Дорога к характеру» пишет, что сегодня – время большого «Я». Мы стали свидетелями перехода от культуры, которая поощряла людей думать о себе смиренно, к культуре, которая поощряет людей видеть себя *центром вселенной*. Мысли Брукса перекликаются с концептом экспрессивного индивидуализма. В эпоху большого «Я» наряду с очевидным ростом самооценки и, как мы выяснили, чувствительности к разного рода «обидам» резко растет стремление к славе. Как отмечает Брукс, «слава раньше занимала низкое место в качестве жизненной цели для большинства людей. В опросе 1976 г., в котором людей просили перечислить свои жизненные цели, слава заняла пятнадцатое место из шестнадцати. К 2007 г. 51% молодых людей сообщили, что стать знаменитым было одной из их главных личных целей. В одном исследовании учениц средней школы спросили, с кем бы они больше всего хотели поужинать. Дженнифер Лопес заняла первое место, Иисус Христос – второе, а Пэрис Хилтон – третье. Затем девочек спросили, какую из следующих профессий они хотели бы получить. Почти в два раза больше опрошенных

⁴⁴ Mounk Y. The Identity Trap: A Story of Ideas and Power in Our Time. New York: Penguin Press, 2023. P. 60.

заявили, что предпочли бы быть личным помощником знаменитости, например, Джастина Бибера, чем президентом Гарварда»⁴⁵.

Как произошел этот переход от маленького я к большому «Я»?

Брукс считает, что с библейских времен, существовала традиция *морального реализма*. Эта традиция, или мировоззрение, придавала огромное значение греху и человеческой слабости. Такой взгляд на человечество был отражен в образе Моисея, самого кроткого из людей, который, тем не менее, руководил народом, «а также в таких библейских персонажах, как Давид, которые были великими героями, но с глубокими недостатками. Эта библейская метафизика была позже выражена христианскими мыслителями, такими как Августин, с его акцентом на грехе, его отказом от мирского успеха, его верой в необходимость благодати, в посвящении себя незаслуженной любви Бога. Этот моральный реализм затем нашел выражение у таких гуманистов, как Сэмюэл Джонсон, Мишель де Монтень и Джордж Элиот (Мэри Энн Эванс), подчеркивавших, как мало мы можем знать, как трудно познать самих себя и как много нам приходится работать на долгом пути к добродетели. “Мы все рождены с моральной глупостью и воспринимаем мир как вымя, чтобы кормить свое высшее ‘я’”, – писала Мэри Энн Эванс. Это также было воплощено, по-разному и в разное время, в мысли Данте, Юма, Берка, Рейнхольда Нибура и Исаяи Берлина. Их объединяет скептический взгляд на способности нашего индивидуального разума. Они с подозрением относятся к абстрактному мышлению и гордыне, подчеркивают ограничения нашей индивидуальной природы. Некоторые из этих ограничений носят эпистемологический характер: разум слаб, а мир сложен. Мы не можем по-настоящему осознать сложность мира или полную правду о себе. Другие имеют моральный характер: в наших душах есть ошибки, которые ведут нас к эгоизму и гордыне, искушают нас поставить низшую любовь над высшей. А где-то речь должна идти о психологии: мы разделены внутри себя, и многие из наиболее насущных движений нашего разума бессознательны и лишь смутно осознаются нами самими. Некоторые из них являются социальными: мы не самодополняющиеся существа. Чтобы процветать, мы должны погрузиться в состояние зависимости – от других, от институтов, от божественного»⁴⁶.

Примерно в восемнадцатом веке моральный реализм нашел соперника в лице *морального романтизма*. В то время как моральные реалисты подчеркивали внутреннюю слабость, *моральные романтики*, такие как Ж.-Ж. Руссо, делали упор на нашу внутреннюю доброту. Реалисты не доверяли себе и доверяли институтам и обычаям вне себя; романтики доверяли себе и не доверяли условностям внешнего мира. Реалисты верили в культуру и цивилизацию; романтики верили в природу, индивидуальность и искренность. Брукс, исследуя биографии выдающихся исторических деятелей (Ф. Перкинс,

⁴⁵ Brooks D. The Road to Character. New York: Random House, 2015. P. 19.

⁴⁶ Ibidem. P. 237.

Д.Д. Эйзенхауэр, Д. Дэй, Дж. Маршалл, М. Э. Эванс и др.)⁴⁷, показывает, что они служили обществу, стремились усмирить свое эго, *самоотверженно* боролись за те или иные общественные идеалы. Политические проблемы были именно *публичными* проблемами, требующими раздельного существования личного и общественного.

Сегодня же все обычно сводится к нарциссизму «экспрессивных» личностей. Все стремятся выделиться из толпы, показать себя, обновить статус в социальных сетях так, чтобы привлечь максимальное внимание. Принцип меритократии укрепил идею о том, что каждый из нас прекрасен внутри. Это также привело к развитию тенденций к самовозвеличиванию. Гуманистическая психология также способствовала тому, чтобы расцвели «сто цветов» индивидуализма. Родители осыпают своих детей любовью, но это не простая привязанность, это меритократическая привязанность – она смешана с желанием помочь своим детям достичь мирского успеха. В «эпоху селфи» люди также стали менее чуткими – или, по крайней мере, они проявляют меньше сочувствия в том, как они описывают себя. Общественный язык тоже де-морализуется, Использование слов (фиксируемых Google Ngrams), связанных с экономикой и бизнесом, увеличилось, в то время как язык морали и формирования характера находится в упадке⁴⁸. Как считает Брукс, мы в повсеместном стремлении к эмансипации⁴⁹ в каком-то смысле вышли из равновесия. Современным людям, по его мнению, не хватает смирения, осознания того, что мы являемся людьми с недостатками, что мы часто проигрываем в борьбе с собственной слабостью. Идея о том, что мы должны быть самостоятельными авторами собственной жизни, пестует гордыню. Характер формируется в ходе вашего внутреннего противостояния. Характер – это совокупность склонностей, желаний и привычек, которые медленно запечатлеваются в ходе борьбы с собственной слабостью. Но самое главное, согласно Бруксу, заключается в следующем: «ни один человек не может достичь самообладания самостоятельно. Индивидуальная воля, разум, сострадание и характер недостаточно сильны, чтобы последовательно победить эгоизм, гордость, жадность и самообман. Каждый нуждается в искупительной помощи извне – от Бога, семьи, друзей, предков, правил, традиций, институтов и образцов. <...> Призвание нельзя найти, заглянув внутрь себя и найдя свою страсть. Его можно найти, если посмотреть вовне и

⁴⁷ Д. Брукс: «Перкинс выросла с понятием призвания, необходимостью подавлять части себя, чтобы стать инструментом в более широком деле. Эйзенхауэр вырос на языке самопоражения. Будучи молодой женщиной, Дэй выучила словарь простоты, бедности и капитуляции. Маршалл научился институциональному мышлению, необходимости отдавать себя организациям, которые выходят за рамки всей жизни. Рэндольф и Растин научились сдержанности и логике самодисциплины, необходимости не доверять себе даже во время благородного крестового похода. Эти люди не знали, что они являются примером реалистической традиции. Этот дух был просто в воздухе, которым они дышали, и в том, как они были воспитаны» (Brooks D. The Road to Character. Random House: New York, 2015. P. 237).

⁴⁸ Brooks D. The Road to Character. Random House: New York, 2015. P. 259.

⁴⁹ Д. Брукс: в эпоху большого «Я» «грех не обнаруживается в вашем индивидуальном «я»; оно обнаруживается во внешних структурах общества — в расизме, неравенстве и угнетении. Чтобы улучшить себя, нужно научить любить себя, быть верным себе, не сомневаться в себе и не бороться с собой» (Brooks D. The Road to Character. Random House: New York, 2015. P. 242).

спросить, чего от нас требует жизнь, какую общественную проблему решает занятие, которое вам действительно нравится»⁵⁰.

Примечательно, что Брукс, не будучи коммунистом или марксистом приходит, по сути, к интуициям, которые очень близки изначально коммунистическим. Что-то в современной борьбе левых за максимизацию свободы «сломалось». Возможно, в зашедшей слишком далеко борьбе за индивидуальные свободы и максимальное расширение всевозможных гражданских прав «сломался» как раз коммунизм.

Заключение

На наш взгляд, классикам марксизма политическая борьба за равенство и братство виделась в более простом свете, нежели мы видим ее сегодня. Классовая борьба универсальна, она обращена ко всему человечеству. Если главный враг левых только классовая эксплуатация, то идея братства и единства кажется максимально близкой, ведь пролетарии борются за то, чтобы перестать быть пролетариями, стать прежде всего *людьми*. Именно на это делают упор некоторые современные марксисты, все еще выступающие против политики идентичности⁵¹.

Но реалии сего дня в развитых западных странах таковы, что классовая эксплуатация уже не является главной проблемой для очень многих. Вместо этого, как мы увидели, политическое пространство теперь стало пространством многочисленных культурных войн (чрезмерно «толерантная» церемония открытия Олимпийских игр 2024, воспринятая многими как насмешка над христианством и торжество сатанизма⁵², – яркое тому свидетельство). *Стремление к эмансипации слилось с тенденцией к росту индивидуализма, пересеклось с расцветом нарциссизма*. Фактически, под предлогом эмансипации борьба все чаще ведется за привилегии и более выгодный социальный статус. В других случаях это выражается в максимизации возможностей самовыражения, когда, скажем, гендеры выбирают и конфигурируют словно модели автомобилей в автосалонах. В данной ситуации общественное пространство все сильнее фрагментируется. К другим людям все чаще относятся с подозрением. Представители групп, относимых к «угнетателям», видят исходящую от «угнетенных» угрозу «отмены», травли в социальных сетях, терпят унижительные оскорбления по типу «белого отребья» (white trash) и т.п. «Угнетаемые» стали сверхчувствительными, всюду видят расизм, сексизм, «культурное присвоение». Разрушение остатков традиционных ценностей означает уничтожение укорененных в культуре социальных норм, долгое время служивших ориентиром в общем жизненном мире. Любовь и общий язык

⁵⁰ Brooks D. The Road to Character. Random House: New York, 2015. P. 260.

⁵¹ См., например: Léger M.J. The Use and Abuse of Class Reductionism for the Left // Léger M.J. (ed.) Identity Trumps Socialism. New York: Routledge, 2023. P. 177-194.

⁵² Яшлавский А. Множество людей призвали к бойкоту парижской Олимпиады: «Это богохульство» // Московский комсомолец. 28 июля 2024. URL: <https://www.mk.ru/social/2024/07/28/mnozhestvo-lyudey-prizvali-k-boykotu-parizhs koy-olimpiady-eto-bogokhulstvo.html> (дата обращения: 30.07.2024).

любовных отношений между мужчинами и женщинами оказываются окутаны недоверием, своего рода колючей проволокой «мисгендеринга», подозрений в сексизме, минными заграждениями предпочитаемых местоимений, странными сочетаниями сексуальных предпочтений. Мужское принижается, а женское стирается как результат «объективаций» патриархального прошлого.

Как мы отметили, марксизм в немалой степени ответственен за торжество экспрессивного индивидуализма, то есть это не только дело либеральных или либертарианских идейных течений. Достаточно открыть каталог ведущего левого, преимущественно марксистского издательства Verso, чтобы убедиться, что классовая повестка уже относительно давно вытеснена там критической расовой теорией, различными вариациями гендерных идеологий и всевозможных оттенков квир теории и феминизма⁵³.

В данном контексте резонен вопрос о том, какое отношение к данным реалиям имеет идея коммунизма. Должна ли борьба за коммунистические идеалы ограничиваться логикой отрицания капитализма и угнетения? *Коммунизм, на наш взгляд, невозможно построить путем только лишь эмансипации. Он требует постоянной работы над собственной положительной культурной программой.* Иными словами, эксплуатация и угнетение являются не вполне верными антонимами к слову «коммунизм». Лучшим «смысловым антагонистом» коммунизму мог бы быть именно *индивидуализм*, который выходит за рамки капитализма и, скорее всего, будет существовать и после капитализма⁵⁴. В таком случае коммунистические интенции имеют другой смысл и цель, нежели борьба за эмансипацию. Эмансипация в коммунистическом смысле подразумевает нечто вроде диалектики индивидуального и общественного развития, в которой рост свободы и возможностей – важный, но не имеющий исключительной, самодостаточной важности компонент. Коммунизм подразумевает работу по *собираанию опыта*, сплетению культурных форм, по агрегации общих интересов, делающих приоритетными большие, общечеловеческие смысловые формы, нормы и ценности. В данном контексте, вероятно, менее индивидуалистические, нежели западные, культуры, вроде российской и китайской, могли бы найти свою национальную культурную опору для дальнейшего углубления общественного *единства* (в перспективе – общечеловеческого). Однако коммунизм не равнозначен традиционализму/консерватизму. В этом смысле попытки российских властей противопоставить что-то западному индивидуализму, обращаясь к традиционным ценностям объяснимы, но, на наш взгляд, недостаточны, так как ограничивают исторические горизонты России прошлым⁵⁵. Коммунизм подразумевает неизбежную толику утопии⁵⁶, мечту о всеобщем прогрессе, о

⁵³ При этом заметим, что западные марксисты не отказываются от самой идеи коммунизма (см. напр.: Garo I. *Communism and Strategy: Rethinking Political Mediations*. New York: Verso, 2023).

⁵⁴ Давыдов Д.А. *Посткапитализм и рождение персоналиата*. М.: Рипол Классик, 2021.

⁵⁵ Фишман Л.Г., Мартынов В.С. Если не урок, то проект // *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20. No. 4. С. 66-85.

⁵⁶ Согласимся с Ш. Сайерсом, согласно которому отрицающий всякую утопичность классический марксистский подход, уже практически неактуален. Рабочий класс в развитых странах потерял свой

большом коллективном деле, об общечеловеческом солидарном жизненном мире, о близости, братстве и диалоге всех со всеми, то есть нацеленность к своего рода исторической трансцендентности. Он апеллирует к логике общего и общественного, исходит от всеобщего и к всеобщему возвращается. Иными словами, коммунизм не-индивидуалистичен и может представлять собой в том числе своеобразную этику смирения и самоотверженной заботы о других, противостоящую реалиям эпохи нарциссического самолюбования.

революционный потенциал, он уже больше не является монолитной политической силой, способной на радикальный политический прорыв, исходя из собственных объективных интересов. Напротив, коммунизм остается, скорее, идеей, мечтой, привлекательность и политический потенциал которой не может быть сведен только лишь к экономическим интересам или классовой борьбе пролетариата. Как пишет Сайерс, «должны существовать силы, которые низвергнут старую и создадут новую форму общественного устройства, но никаких признаков таких сил нет. Для того чтобы продолжать твердо держаться идеи революционного изменения, в этих условиях необходим элемент веры. Но это не просто слепая вера, проявляющая себя в понятии внезапного революционного события Бадью и его дематериализованной идеи коммунизма. Вера, присущая марксизму, сильно отличается от такой слепой веры. Марксистская вера в коммунизм – это убеждение, что коммунизм не чистая идея, но действительная тенденция самой истории» (Сайерс Ш. Идея коммунизма // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. Т. 17. № 1. С. 17).